

Полвека на сцене

— Митя! Митя-а! — донесся с улицы звонкий мальчишеский голос.

Пожилая, строгая женщина встала и закрыла окно. Вторая, таких же лет, но с мечтательным выражением лица, сидела в кресле. Это были Митины бабушки.

А мальчик в это время старательно выводил, услаждая их слух:

Невольно к этим грустным берегам Меня влечет неведомая сила...

— Хорошо, Митенька, ах, как хорошо, — шептали бабушки.

Но «неведомая сила» влекла Митеньку во двор, где в самом разгаре шел бой «краснокожих» с «бледнолицыми» и ненавистный Вася с соседнего двора уже захватил право быть вождем.

Положение спас дед. Митя за свое пристрастие к театру был его любимцем и баловнем.

— Ну, брат, вижу, во-время подоспел, — смеялся, входя, дед, — замучили тебя, бедного.

Внук так и просиял, увидя его. А тот лукаво продолжал:

— Обрадовался спасителю, а ты вот отгадай сначала, что я принес тебе?

Митя затаил дыхание, пока дед разворачивал большой белый пакет. — Ой дедушка! Да это же ...

Дед улыбнулся.

Забыв войны краснокожих, ценные трофеи — перед Митей макет сцены Мариинского театра с декорациями и действующими лицами.

★
ЕЛЕНА БУЙНО.
★

Митин дедушка работал художником и хористом в петербургском Мариинском театре оперы и балета и возил внука на все спектакли, и в десяти годах мальчик на свою беду распевал все популярные арии. А беда была в том, что бабушка, восхищаясь «оперными достижениями» внука, заставляла его каждое утро распевать все, что он знал. При всей своей любви к театру Митя тяготился эти обязательные утренние концерты, и только дед выручал его от них.

Длинные, полутемные коридоры реального училища, казарменного вида классы: нудные, надоевшие уроки.

Митя плохо слышит, что говорит учитель. Он вчера был в драме и полон ею. Он еще сейчас как будто слышит скорбные слова:

Достиг я высшей власти;

Шестой уж год я царствую спокойно,

Но счастья нет моей душе.

— Колпаков! — резко прозвучало рядом. — повторите мой вопрос.

Мальчик рассеянным взглядом обвел класс. Исчезли пышные палаты, у самого лица прыгала негодующая бородка учителя.

— Опять драмы в голове, — негодовал учитель, — я вас отучу от всяких «трагедий», «комедий», здесь вам не опера и балет, а реальное училище, — с достоинством закончил он и вышел из класса.

А Митя уже рассказывал своим одноклассникам о вчерашних чудесах, о том, что и они могут играть спектакли. Реалисты загорелись этой идеей и вскоре стали репетировать одну драму ужаснее другой. Коварные интриги, запутанные похождения, душераздирающие монологи героев овладели мыслями реалистов. На долю юного организатора вечно доставались роли простаков. Говорили, что они у него здорово получаются, и он стал бессменным исполнителем на эти роли.

Осталось позади реальное училище. Начались студенческие годы в Политехническом институте, а страсть к театру росла с каждым годом.

Медленно закрывается занавес. Дружно аплодируют студенты. Митя взволнован, но счастлив. Счастлив безмерно. Сегодня в любительском спектакле он сыграл свою первую серьезную роль — роль Суворова в пьесе «Измаил». Теперь театр овладел его душой окончательно.

Третий курс. Началась практика. На практику Митя попал во Владивосток. В то время в театрах впервые появилось электричество, и Митя, долго не раздумывая, поступил театральным электриком. Во Владивостоке работала довольно сильная труппа антрепенера Арнольд-ва. Так было покончено с институтом и сделан первый шаг к подмосткам профессионального театра.

Через год уже не Митя, а Дмитрий

Сергеевич стал помощником режиссера и одновременно актером.

Наступили годы интересной работы, творческих поисков, неудач и радостей. Японская война прервала работу в театре. Дмитрий Сергеевич оказался на фронте. Но вскоре ранение под Ляном дало ему возможность приехать в Москву. Москва 1905 года встретила его горячим дыханием жизни. Он принял участие в восстании, во взятии Рязанского вокзала. Но восстание было подавлено, и артист Колпаков вновь едет в свой театр, во Владивосток, в котором проработал 13 лет.

С большой теплотой и уважением вспоминает Дмитрий Сергеевич славные имена корифеев русской сцены, с которыми ему пришлось гастролировать.

— Варламов, Давыдов, Комиссаржевская, Орленев, — вот люди, у которых я всегда старался учиться всему тому, что они давали нам в свои недолгие пребывания, — рассказывает Дмитрий Сергеевич.

Вспоминает Дмитрий Сергеевич и курьезные случаи, которые говорят о том, как в то время мало обращали внимания на театр и на его техническое оснащение. Сбор делало имя знаменитости, а не коллектив, потрудившийся над созданием спектакля.

— Как-то приехал к нам на гастроль знаменитый Далматов, — рассказывает Дмитрий Сергеевич, — играл он тогда Грозного. Декораций подходящих не было. И угрозило нас вместо трона дать ему кресло. Далматов расевирипел: «Трон, а иначе играть не буду». Мы все забегали, наскоро сколотили ему из фанеры трон, поставили. Ходим довольные — угодили. И вдруг... в горячей сцене с сы-

ном он с силой ударяет посохом... трон проваливается вместе с Далматовым. За кулисами боялись дышать — ждали «громовых разносов», но к всеобщему удивлению все сошло благополучно. С тех пор, когда приезжала какая-нибудь знаменитость, мы тщательно проверяли каждый гвоздик декораций.

— Да, много всего пришлось повидать в жизни, — говорит он задумчиво, — был я в рядах Красной Армии. Вспомнил там свою бывшую профессию электрика. Как бывало зайдем город, я сразу свет восстанавливаю, и тут полезен немного был. Бойчилась гражданская война, — снова театр. Попал я к крупнейшему мастеру Н. Н. Синельникову. На его репетициях было столько интересного, что казалось выше и лучше ничего быть не может. Работа с ним никогда не изгладится из памяти, — добавляет Дмитрий Сергеевич.

1932 год — значительная дата в жизни артиста Колпакова. Он попадает в театр Юрия Александровича Завадского, художника большой культуры и замечательного мастера. Все, что делал Завадский, настолько было захватывающе и любопытно, что актеры на его репетициях забывали о всяком времени.

— Был и со мной курьез в это время. Товарищи мои смеялись, а я был ни жив, ни мертв, — с улыбкой вспоминает Дмитрий Сергеевич. — На утреннике давали спектакль «Ученик дьявола». Шел он уже, наверное, в 150 раз. Знали его все вдоль и поперек. К самому началу выяснилось, что заболел дирижер. Из руководства никого не было, а публика требовала начала. Подходит ко мне один старый музыкант и просит, чтобы я дирижировал, так как знаю ноты.

Делать нечего. С трепетом сел за пульт. Дирижирую. Выходит на сцену Мордвинов, увидел меня и пришел в ужас: впереди труднейшее место в музыке — его танец. В это же время в ложу вошел Завадский. Тот онемел от изумления, но останавливать уже было поздно. От волнения я не помнил как дирижировал. Но все прошло сравнительно гладко, только у меня рубашка и куртка были «хоть выжми». После спектакля я ждал самого сурового выговора от Юрия Александровича. Он подошел ко мне и сказал: «Я видел вас на многих театральных работах, но здесь вы меня удивили», — и тут же поблагодарил за находчивость и выручку.

Во время Отечественной войны Дмитрий Сергеевич был эвакуирован с Центральным театром Красной Армии в Свердловск. Когда ему предложили работать в только что сформировавшемся Нижне-Тагильском театре — он с радостью согласился. Дмитрий Сергеевич хотел помочь своим опытом сценической работы в деле создания театра в индустриальном городе.

С тех пор он в Тагиле. Ни один спектакль не проходит без его участия. Мы помним его в роли старого профессора Дитриха в «Губернаторе провинции», купца Дороднова в «Поздней любви», генерала Елея в «Молодой гвардии» и ряде других спектаклей. Дмитрий Сергеевич, несмотря на свои годы, энергичен и неутомим. Кроме актерской работы он еще заведует труппой театра, ведет многие спектакли. В театре любят и уважают этого приветливого седого человека, полвека отдавшего сценическому искусству.

Колпаков Д. С.